

ВЫСОЧАЙШАЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

— Государь Императоръ, во вниманіи къ ходатайству Преосвященнаго Экзарха Грузіи и Намѣстника Кавказскаго, и по положенію Кавказскаго Комитета, Всемилостивѣйше соизволяя пожаловать Государственному крестьянину Владимірскаго губерніи, Ковровскаго уѣзда, деревни Федуловой, Андрею *Треумову*, за пожертвованіе имъ въ Кобійскую Осетинскую церковь разныхъ вещей на суммъ 2,014 руб. сер., установленную *серебряную медаль, Удѣла пошеи на шею на Владимірскаго лейтн.*

(с. в.)

— Въслѣдствіе отношенія Г. Намѣстника Кавказскаго и представленія Г. Министра Финансовъ, въ Кавказскій Комитетъ, Государь Императоръ въ 30 день Марта сего года Высочайше повелѣть соизволилъ: проживающему въ Тавризѣ (въ Персіи), пользующемуся правами купца 1-й гильдіи безъ платежа повинностей, Гаврилу *Вышегородцеву* предоставить званіе личнаго почетнаго гражданина, за труды на пользу Россійской торговли съ Персіею и за услуги Россійскому Генеральному Консульству въ Тавризѣ оказываемыя.

(с. в.)

— Государь Императоръ, согласно представленію Г. Намѣстника Кавказскаго, и по положенію Кавказскаго Комитета, 31-го минувшаго Марта Высочайше повелѣть соизволилъ: Постановитъ, чтобы представляемыя куда слѣдуетъ въ залогомъ по подрядамъ, поставкамъ и откупамъ оцѣночныя описи дворянскимъ имѣніямъ въ тѣхъ уѣздахъ Закавказскаго края, гдѣ пѣтъ Предводителей Дворянства, вмѣсто ихъ, были удостоверяемы по крайней мѣрѣ, шестью состоятельными и неопороченными въ обществѣ и дѣлахъ помѣщиками того же уѣзда, въ коемъ заключается описанное имѣніе.

— Государь Императоръ, по положенію Кавказскаго Комитета, 31-го минувшаго Марта Высочайше повелѣть соизволилъ: правило, помѣщенное въ примѣчаніи къ статьѣ 1351, т. X. Св. Зак. гражд. изд. 1842 года (продолж. IV), о томъ, что свидѣтельства на части домовъ и другихъ строе-

ній, для представленія оныхъ въ обезпеченіе по откупамъ, подрядамъ и поставкамъ, отнюдь не должны быть выдаваемы, — распространитъ и на Закавказскій край.

(с. в.)

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

По военному вѣдомству.

Его Императорское Величество, въ присутствіи Своемъ въ С.-Петербургѣ, соизволилъ отдать слѣдующій приказъ:

Мая 2 дня 1846 года.

Назначаются: по Арміи. Командиръ 3-й бригады Грузинскихъ Линейныхъ баталіоновъ, Генералъ-Маіоръ *Чекмаревъ*, Командиромъ 2-й бригады сихъ же баталіоновъ, съ оставленіемъ по Арміи, на мѣсто Генералъ-Маіора *Плещеева*, который, согласно его прошенію, по разстроенному здоровью, увольняется отъ сей должности, съ оставленіемъ по Арміи. По Пѣхотѣ. Командиръ 1-й бригады 21-й Пѣхотной дивизіи, Генералъ-Маіоръ *Горскій*, Командиромъ 3-й бригады Грузинскихъ Линейныхъ баталіоновъ, съ состояніемъ по Арміи.

ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ.

Высочайшими Именными Указами, данными Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, Всемилостивѣйше пожалованы кавалерами ордена *Св. Анны*: Февраля въ 1-й день, въ возданіе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ дѣлѣ противъ Горцевъ, 7-го Іюля прошлаго 1845 года, во время рекогносцировки, произведенной на лѣвый берегъ рѣки Аксея у сел. Дарго, и согласно опредѣленію Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова, по предоста-

вленной ему отъ Государя Императора власти, — третьей степени съ бантомъ: Маіоръ Модлинскаго пѣхотнаго полка *Якубовскій*; въ 30-й день Января, по засвидѣтельствованію Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ объ отличномъ усердіи и трудахъ, оказанныхъ во время нахождения въ Сванетіи, для прекращенія враждебныхъ дѣйствій между двумя тамошними владѣльцами, — сопричисленъ къ ордену *Св. Анны третьей степени*: Протоіерей Кутанскаго Военнаго Госпиталя, *Кутамеладзе*; Января въ 9-й день, въ возданіе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ дѣлахъ противъ Горцевъ въ Маѣ мѣсяцѣ прошлаго 1845 года, на урочищѣ Рогно-Орь и Кекекихъ высотахъ, и согласно опредѣленію Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова, по предоставленной ему отъ Государя Императора власти, пожалованы: золотыми саблями съ надписью за храбрость: 1-го пѣшага Грузинскаго полка Капитанъ Князь *Георгій Джаидіеровъ*, и находившійся при отрядѣ войскъ нашихъ Помощникъ Начальника Джаро-Лезгинской постоянной милиціи, Поручикъ *Мамудъ-Ала*, и золотую полусаблю съ надписью за храбрость: Эриванскаго Карабинернаго полка Поручикъ Князь *Шаликовъ*; въ 9-й же день Января, въ возданіе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ дѣлахъ противъ Горцевъ въ Августѣ мѣсяцѣ прошлаго 1845 года, и согласно опредѣленію Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова, по предоставленной ему отъ Государя Императора власти, — золотыми саблями съ надписью за храбрость: Нижегородскаго Драгунскаго полка Капитанъ *Барковский*; Лейбъ-Гвардіи Гродненскаго Гусарскаго полка Штабсъ-Ротмистръ *Леоновъ*, и Начальникъ Джаро-Лезгинской милиціи, состоящій по Кавалеріи Штабсъ-Капитанъ *Эльчибековъ*; — золотыми полусаблями съ надписью за храбрость: Эриванскаго Карабинернаго полка Полковникъ *Дебу*; Тифлискаго Егерскаго полка Подполковникъ *Мезенцовъ* и Маіоръ *Гаркушенко*; Штабсъ-Капитаны: Эриванскаго Карабинернаго полка *Чащиковъ* и Тифлискаго Егерскаго полка *Прогульбицкій*.

Въ Приказѣ Г-на Военнаго Министра, Мая 2-го дня 1846 года, за № 79, объявлено по Военному вѣдомству:

ОБРАЗЦЫ ВОСТОЧНАГО КРАСНОРѢЧІЯ.

Письмо изъ Тавриза къ Переводчику Надиру.

Великолѣпно-краснорѣчивое посланіе твое, любезный и высокостепенный Надиръ, я имѣлъ удовольствіе получить. Възвѣсивши на вѣскахъ сердечныхъ каждое слово, я удостоившись, что всѣ выраженія твои суть перлы почерпнутые въ безднахъ моря дружества, и потому, пзбукрасивъ вию свою ожерельемъ изъ сихъ перловъ, я сомкнулъ оное лалловымъ фермуаромъ сердечной радости. Много узоровъ на коврѣ Кишипрекомъ, кто возьмется калымомъ точности описать красивый ихъ очеркъ и очаровательные переливы цвѣтовъ? но вельможка разсѣкаетъ этотъ коверъ подъ разолоченными сводами своей храмины, съзываетъ гостей. Коверъ уставляють сочными плодами — и широкимъ, кажется оны, шелковымъ лугомъ, изукрашеннымъ цвѣтами Ширазскими. Много чувствованій тѣнится въ душѣ моей: могу-ли отдѣльно описать ихъ соотношенія и переливы? я желаю въ всю душу, подобно коврѣ, развернуть предъ тобою — и одинъ взглядъ показалъ бы тебѣ, какъ цвѣтъ дружества переносится съ цвѣтомъ сердечнаго воспоминанія.

О Мирза, изукрашенный отличными благоразуміемъ! я вижу, что небесная птица мудрости свила себѣ гнѣздо въ главѣ твоей. Ты живъ въ холодномъ лѣтнемъ дворцѣ и воображеніе твое пылало огнемъ вдохновенья; изъ устъ твоихъ текутъ струи краснорѣчивыя, восторженныя напѣвы Саадія и Гафиса! Можетъ быть, сладкій, звучный голосъ твой потрясаетъ теперь своды Царскихъ чертоговъ, и усаждаетъ, какъ пѣсь соловья весенняго, слухъ твои Бога на землѣ! — Потокъ переводныхъ дѣлъ по прежнему журчитъ подъ развѣстою сѣнію дѣла твоей дѣятельности и родительской о нихъ пошечительности; увѣренъ, что и цѣра удалая, измѣническою рукою ворочаетъ твоихъ голландскихъ мужиковъ. — Да благословитъ Алла твои начинанія! Пусть душевное спокойствіе, веселіе и радость, выются вокругъ тебѣ, подобно воздушной пери!

И пусть, по прежнему, въ веселій, праздный часъ, Вина Ширазскаго благое вдохновенье Отъ дѣлъ усталое живитъ воображенье, Пока въ тебѣ, Надиръ, свѣтъ жизни не угасъ!

Мирза Малсуфъ.

Когда пожалована была Высочайшая Грамота Императорскому Царю Соломону объ утвержденіи его на Царствѣ; то, послѣ торжественной церемоніи принятія Грамоты (19 Февраля 1803 года), во время объѣда, Кутанскій Протопопъ Николай произнесъ рѣчь слѣдующаго содержания:

ИЗЪ ЧИИ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Да прославляется Богородицено безъвиновною виною Всемилостивѣйшее самодержавіе въ Монаршемъ государственіи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, коего неопобдимыя руки, щедро распрасперты и покрываютъ моря и суши, яко лучи солнца.

Той стоитъ къ паденію и возстановленію многихъ, — къ паденію Богонепротивныхъ иноплемениковъ, къ возстановленію же правобѣрныхъ народовъ Христіанскихъ.

Той значенитъ, яко солнце въ звѣздахъ, вѣдушно-видѣтъ, яко твердь небесная — въ видимомъ мірѣ и любезенъ, яко Исусъ мой изъ Боговъ.

Той, премѣняя на лучшее, усовершенствовалъ Богозарѣншіе лучи ИМПЕРАТОРСКІЕ; той, яко Моисей, потопилъ въ морѣ иноплемениковъ. — Той, избраніе злата и каменій честныхъ многоцѣнныхъ.

Той уподобился тезоименнику своему Александру, обладающему всей землѣю.

Той, есть рай многоцвѣтный, веселіи и прославляющій рабовъ и любящихъ Его, какъ то самое извѣствъ нынѣ по свойству ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО имени, пожаловать тебѣ въ злогъ и въ знакъ владѣтельства и власти грамо-

ту ИМПЕРАТОРСКАГО милосердія и гербъ всегдашняго утвержденія къ вѣчному благовѣстію тебѣ, яко пораженію противныхъ враговъ твоихъ, и враговъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Сего ради, мы всѣ да воспривѣтствуемъ: ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО радуся! и да возвеличимъ утро, полдень и вечеръ да и всегда, воздвизая при томъ дѣлствіи благодаренія единому благу и виновнику блага, коего силою блаженны и мы, ибо нарѣчены рабами ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

КОНЦЕРТЪ ВЪ ЭРИВАНІ.

Вчера мы имѣли удовольствіе слышать концертъ, даннй Г. Валентиновичемъ на гитарѣ. — «Какъ, скажутъ многие, концертъ на гитарѣ? да кто теперь играетъ для публики на гитарѣ?» Оно такъ, и мы сами того мѣнны, но что прикажете дѣлать? Въдъ и мы, провинціалы, во время-оно, наслаждались концертами многихъ перво-классныхъ европейскихъ артистовъ; но здѣсь, въ глуши, гдѣ Татарская зурна играетъ первостепенную роль, всякое, сколько нибудь сносное музыкальное явленіе, доставляетъ невыразимое удовольствіе. Попробуйте-ка, г.г. любители музыки, пожить съ нами, на краю свѣта — въ Эривани, и вы тогда оцѣните не только гитару, но, чего добраго, можетъ статься, полюбите и зурну.....

Г. Валентиновичъ сначала сыгралъ увертюру соч. Джулиани, послѣ варіаціи на тему изъ оперы «Швейцарское семейство», далѣе, нѣсколько другихъ прекрасныхъ пѣсь. Въ заключеніе, оны же процѣлъ подъ аккомпаниментъ гитары, нѣсколько каватинъ изъ разныхъ оперъ. Публика осыпала его громкими рукоплесканіями и это служило лучшимъ доказательствомъ признательности ея къ таланту Г. Валентиновича.

«Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: всемъ вообще Генераль-Адъютантамъ, какъ находящимся при Особѣ Его Величества, такъ и состоящимъ по спискамъ въ Гвардейскихъ войскахъ, дозволить носить, при Генераль-Адъютантскомъ мундирѣ, генеральскія каски съ Гвардейскимъ орломъ».

По истеченіи срока, опредѣленнаго Высочайшимъ Указомъ отъ 22-го Іюня 1845 г., для вымѣна платиновой монеты, нѣкоторые лица обращались съ вопросомъ, какое можно дѣлать употребленіе изъ таковой монеты, оставшейся по какому-либо случаю необмѣненной.

По сему, Министерство Финансовъ не излишнымъ почитаетъ объяснить, что какъ платиновая монета, съ истеченіемъ срока для вымѣна оной назначеннаго, перестала быть Государственною монетою, и обращеніе ея между частными людьми предоставлено взаимному между ними соглашенію; следовательно каждый можетъ дѣлать изъ оной такое употребленіе, какое признаетъ для себя болѣе выгоднымъ.

К. Г.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

КАВКАЗА.

По извѣстіямъ изъ Южнаго Дагестана, Г. Главнокомандующій, выѣхавъ 16-го Мая изъ Темуръ-Ханъ-Шуры, ночевалъ Мехтулинскаго Ханства въ деревнѣ Какашуръ; 17-го въѣхалъ въ Акушинское общество, былъ въ Левашѣ, гдѣ Генераль Ермоловъ имѣлъ блистательное дѣло съ Акушинцами, и ночевалъ въ деревнѣ Уду-Ая. 18-го, Его Сіятельство, около полудня, прибылъ въ Сулахаръ, и въ тотъ-же день пріѣхалъ въ Кумухъ, сдѣлавъ около 50-ти верстъ. 20-го числа, Главнокомандующій отправился въ Чирахъ, разстояніемъ отъ Кумуха также около 50 верстъ. 22-го онъ былъ уже въ Курахъ, 24-го въ Хазры, а 25-го въ Куссары, гдѣ расположенъ полковой Штабъ пѣхотнаго Графа Паскевича-Эриванскаго полка, бывшаго съ Княземъ Михаиломъ Семеновичемъ въ Краонскомъ дѣлѣ. Изъ Куссары, Его Сіятельство вѣдетъ въ Кубу, гдѣ опять найдетъ экипажи.

Ставрополь. Изъ Ставрополя пишутъ: Вы просили сообщать достопримѣчательныя событія нашего края, вообще не богатаго ими; но не отстающего отъ другихъ Русскихъ городовъ въ подвигахъ благотворительности. И у насъ, по примѣру прочихъ, даются иногда концерты въ пользу бѣдныхъ, разыгрываются лотереи и воздвигаются зданія на пользу общественную. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ огромнаго размѣра каменный храмъ, недавно вчерпѣ отдѣланный, обширныя каменные ограды во кругъ двухъ кладбищъ и сверхъ того, многое еще прежде того совершенное. Теперь, здѣшній Градской Глава, Ставропольскій 1-ой гильдіи купецъ Иванъ Григорьевичъ Ганиловскій, движимый чувствомъ благотворительности, не въ первый уже разъ обнаруженнымъ для дѣла общественнаго, — по благословенію нашего Архiepiscopa, Преосвященнаго Іеремія, Епископа Кавказскаго и Черноморскаго, и съ разрѣшенія Начальства, вознамѣрился, отъ избытковъ трудового достоинства своего выстроить каменное, въ два этажа зданіе, для помѣщенія въ немъ 80 человекъ и болѣе, питомцевъ, изъ дѣтей бѣдныхъ и сиротъ духовнаго званія, учениковъ здѣшняго духовнаго Уѣзднаго Училища, назначаемыхъ на казенное содержаніе. 16 сего Мая, въ праздникъ Вознесенія Господня, послѣ Божественной Литургіи, совершена была Его Преосвященствомъ, съ градскимъ духовенствомъ, закладка предложеннаго зданія по чино-положенію Церковному, съ водоосвященіемъ и провозглашеніемъ многолѣтня Государю Императору и всему Августѣйшему Дому. Въ закладкѣ зданія принимали участіе всѣ почетнѣйшія особы города и присутствовали чиновники, граждане и многочисленныя толпы народа.

Не говорю на этотъ разъ, ни о планѣ, ни фасадѣ, величинѣ и стоимости зданія, оставляя все это до того времени, когда благословитъ Богъ совершеніемъ предпринимаго, — что, судя по дѣятельности почтеннаго строителя, послѣдуетъ въ скоромъ времени. Ограничусь на этотъ разъ замѣчаніемъ, что пожертвованіе Г. Ганиловскаго истинно благотворительно, въ особенности принявъ

въ расчетъ дороговизну найма частныхъ домовъ и трудность, въ такомъ случаѣ, соединить удобства необходимыя для Воспитательнаго заведенія.

Закрываю искреннимъ желаніемъ, чтобы такіа добрыя дѣла, которыми никогда не оскудѣваетъ наше славное Отечество, не оставались подъ спудомъ, въ тайнѣ; но сияли бы предъ лицомъ цѣлаго свѣта!

Послѣ совершенія закладки, радушный хозяинъ угостилъ почетнѣйшихъ особъ завтракомъ, за которымъ первый гость провозглашенъ былъ за драгоцѣнное здороніе Великаго Строителя нашего Отечества — Государя Императора!

П. Хицуновъ.

Александрополь, 25 Мая. Погода здѣсь съ 21 Апрѣля почти постоянно одинакова: утромъ тихо и ясно, а послѣ полудня дождь, или градъ съ вѣтромъ. Вчера, въ продолженіи цѣлаго дня дулъ холодный зимній вѣтеръ, на равнинѣ шелъ дождь, а на возвышенностяхъ снѣгъ; покрывшія горы толстымъ слоемъ; а сегодня схватилъ морозъ въ 3 градуса, который побилъ всѣ нѣжныя растенія и огородныя овощи.

Не одинъ Александрополь можетъ пожаловаться на суровость погоды. Въ Тифлисѣ, и друиыхъ мѣстахъ, не видѣли еще лѣта — дождь, градъ, холодъ, а по горамъ снѣга. Многіе говорятъ: холодъ, оно-то ничего, да вотъ бѣда — черешни водянисты.

Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра, и тѣ изъ жителей Тифлисскихъ, которые по необходимости должны остаться въ городѣ на цѣлое лѣто, ради холодамъ, удерживающимъ лучшее наше общество въ стѣнахъ Тифлиса, отъ обычныхъ лѣтнихъ перекочевокъ на воды и въ деревни. Эгоизмъ выигрываетъ!

Снѣгъ на военно-Грузинской дорогѣ мѣстами еще по колѣна; а постоянные холода, не позволяють горнымъ снѣгамъ таять быстро и переполнять рѣки и ручьи. Завсѣмъ тѣмъ, воды стоятъ еще довольно высоко и причинили много несчастій. Въ продолженіи одного только Апрѣля, въ Грузино-Имеретинской Губерніи утонуло, при переправахъ и при другихъ случаяхъ, въ рѣкахъ и горныхъ потокахъ 10 человекъ. Изъ нихъ, мальчикъ 10 лѣтъ, сынъ Тифлискаго колониста, съ берега Куръ, у Ваикскаго Монастыря, ловилъ крючкомъ плавущія по рѣкѣ бревна и, зацѣпивъ за одно изъ нихъ, не могъ удержаться и увлеченный его стремленіемъ — утонулъ.

16 Апрѣля, жена отставнаго солдата Тетицкаго, Тасія, возвращаясь изъ Церкви Св. Давыда, что на Мта-Цминдѣ въ Тифлисѣ, убита сорвавшимся съ горы камнемъ.

Мурадъ-Куши въ Карабагскомъ Уѣздѣ. Почти во всемъ Закавказьѣ существуетъ повѣріе, что въ Персіи, въ Ширазѣ, и близъ Монастыря Св. Іакова, въ Эриванскомъ Уѣздѣ, есть источники, изъ которыхъ, если человекъ безукоризненной нравственности возьметъ воды и принесетъ на поля опустошаемыя саранчею, то вслѣдъ за нею появится водяная при тѣхъ источникахъ, въ большомъ числѣ, птица, извѣстная здѣсь подъ названіемъ *Мурадъ-Куши*, природно-враждебная саранчѣ, и которая не оставляетъ полей до тѣхъ поръ, пока всю ее не истребитъ.

Въ прошедшемъ году, саранча, опустошивъ значительно поля въ Карабагскомъ Уѣздѣ, и оставивъ семена свои, грозилъ жителямъ тѣмъ-же бѣдствіемъ и нынѣшнимъ лѣтомъ. Побуждаемъ общимъ повѣріемъ, а также желая успокоить жителей и показать имъ, что начальство не пренебрегаетъ никакими мѣрами къ предотвращенію угрожающаго имъ бѣдствія — Карабагскій Уѣздный Начальникъ, въ Январѣ мѣсяцѣ настоящаго года отправилъ, по желанію жителей, избраннаго ими поселянина Кеберлинскаго Участка, Мирзу Джамаль-Бека-Новрузъ-Бекъ-Оглы въ Ширазъ, за этою водою; издержки путешествія были покрыты добровольными пожертвованіями однихъ Бековъ.

Нынѣ Мирза Джамаль-Бекъ возвратился съ водою, а за нимъ, 6-го Мая утромъ, *Мурадъ-Куши* въ безчисленномъ множествѣ покрыла всѣ поля, отъ р. Аракса верстъ на 15, и съ такою жадностію истребляетъ саранчу, что чрезъ нѣсколько дней не останется и слѣдовъ ея.

ШКОЛА

ВОЕННЫХЪ ВОСПИТАТЕЛЕЙ

при Кавказскомъ Саперномъ баталіонѣ.

Казарма Кавказскаго Сапернаго баталіона находится почти въ центрѣ самаго Тифлиса, и составляетъ огромный четыре-угольникъ, заключающій въ себѣ обширный дворъ для ученія. Едва ли можно найти, не только въ Закавказскомъ краѣ, но даже и въ Россіи, при казенныхъ заведеніяхъ дворъ, болѣе щедротавый, чистый и даже роскошный. Весь огромный четыре-угольникъ спланированъ, убитъ толченымъ кирпичемъ, чистъ, гладокъ, какъ паркетъ, обведенъ асесою изъ тополей, акацій, миндаляныхъ деревьевъ и цвѣтовъ, а по стѣнамъ казармы, повсюду вьются лозы винограда. Въ восточной сторонѣ двора гимнастическія игры и прекрасныя солнечныя часы. Войдите смѣло въ ворота казармы, васъ примутъ радушно и покажутъ чѣмъ богаты, а есть на что полюбоваться.

На дворѣ видите вы шестьдесятъ мальчонковъ отъ 8 до 15 лѣтняго возраста, въ курточкахъ, по общему образцу военныхъ заведеній, то быстро разсыпавшихся въ стрѣлковую цѣль, то по сигналу, который сами пацѣваютъ хоромъ, — снова свертывающихся въ строй. Движенія ихъ ловки, непринужденны, и вы никакъ не подумаете, чтобы это было застрѣльщике ученіе, но примете за игру, добровольно затѣянную дѣтьми. Сомкнутый строй маршируетъ тихимъ шагомъ, подъ хорovou пѣсню:

Знають Турки насъ и Шведы,

И про насъ извѣстенъ свѣтъ.

А скорымъ шагомъ поль пѣсню:

Ребята, слава впередъ,

Въ душѣ кипятъ восторги,

Ура! пусть будетъ на груди

У каждаго Георгій!

И веселый строй, вторично крикнувъ ура! бросился въ запуски на штурмъ и черезъ мгновеніе, одинъ уже на верху шеста, другой карабкается по веревкѣ, третій на однихъ рукахъ подымается по лѣстницѣ и всѣ снасти, снизу до верху, усѣяны храбрыми воинами въ курточкахъ! Скомандовали отбой и всѣ опять уже въ строю, — повторяютъ гимнастическія движенія тѣла; потомъ прыганіе, потомъ — идите за ними въ рекреационную залу. Прекрасный инструментальный оркестръ Кавказскаго Сапернаго баталіона, давно вамъ знакомый по театру, — привѣтствуетъ васъ русскою пѣсней, и вдругъ, пара отдѣляется отъ строя, тихо, плавно, граціозно ходитъ *Русскую* и вы любуетесь, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что, живя въ Тифлисѣ нѣсколько лѣтъ, вы уже давно не видѣли плясокъ родины и невольно задумаетесь, перелетите мыслями за тридевять-полей, туда, гдѣ, быть можетъ, въ часы мечтаній, обычно перелетаете воображеніемъ, какъ голубь, издавна привыкшій садиться на любимую вѣтку и ворковать въ сотый разъ, что подкачиваетъ сердце! На этотъ разъ мечтанія ваши не будутъ продолжительны, звуки Польки васъ пробудятъ, а ловко исполненные па, какіе только до сего времени изобрѣтены въ сферѣ Польки, — разгонятъ мечты. Потомъ Абхазка, Лезгинка и прочіе характеристическія танцы. За танцами слѣдуетъ пѣніе. Хоръ имѣетъ свѣжее, прекрасное голосо и мелодически настроенъ. *Боже-Царя Храни!* поютъ восхитительно.

Но вамъ любопытно знать, кто-же эти маленькіе саперы, неустрашимо штурмовавшие снасти игръ, эти искусныя гимнастики, ловкіе танцоры, пріятные пѣвцы? По смуглымъ лицамъ, чернымъ волосамъ и глазамъ большей части изъ нихъ, вы догадываетесь, что это должны быть дѣти туземцевъ; но къ какому классу они принадлежатъ и какое ихъ назначеніе? Ступайте за ними въ ихъ спальни. Тамъ, чистота, и даже роскошь мебели, свѣтлой, лакированной — удивятъ васъ; но взгляните на билеты висящіе надъ постелями и вы еще болѣе удивитесь — узнавъ, что эти дѣти въ солдатскихъ курточкахъ — сыновья бѣдныхъ Дворянскихъ и Княжескихъ фамилій Грузій!

Учебныхъ заведеній въ Тифлисѣ не достаточно для народонаселенія края, сознаващаго всю необходимость образованія дѣтей; въ особенности такихъ заведеній, гдѣ бы можно было приготовляться для поступленія въ военную службу.

Первая мысль объ устройствѣ при полкахъ и баталіонахъ школъ военныхъ воспитанниковъ изъ бѣдныхъ Дворянъ и Князей туземныхъ, принадлежитъ Главноуправлявшему Краемъ Генераль-Адъютанту Барону Розену, и начало тому положено въ 1836 году, съ Высочайшаго утвержденія. По приказанію же бывшаго Корпуснымъ

Командиромъ Генералъ-Адъютанта Нейдгарта, въ 1844 году, Командиръ Кавказскаго Санернаго батальона Полковникъ Фелькнеръ устроилъ школу изъ 40 военныхъ воспитанниковъ, вмѣсто прежде бывшихъ 10-ти, и изъ 20 кантонистовъ, для чего выстроено на батальонномъ дворѣ особенное зданіе. Содержаніе на нихъ отнускается отъ казны, по особенному положенію составленному Барономъ Розеномъ, и несмотря на то, что оно слишкомъ ограничено, воспитанники хорошо одѣты, пища прекрасная, а во всемъ остальномъ — довольство.

Нѣкоторые изъ сихъ воспитанниковъ, числящіеся кандидатами разныхъ военно-учебныхъ заведеній, ежегодно, по открытіи вакансій, отправляются туда; остальные же, по достиженіи 16 лѣтняго возраста, поступаютъ или въ военную службу юнкерами и преимущественно въ этотъ-же батальонъ, или въ гражданскую. Уже многіе изъ воспитанниковъ этого заведенія съ честію служатъ офицерами въ армейскихъ полкахъ.

Основаніемъ курса наукъ принята программа, нѣсколько обширнѣе утвержденной для экзамена поступающихъ на службу юнкерами. Школа раздѣлена на три класса: младшій, средній и высшій. Въ послѣднемъ учатъ: Законъ Божій, Россійскую Грамматику, съ примѣненіями правилъ къ сочиненіямъ, Среднюю, начало Новой и краткую Россійскую Исторію, всю Арифметику, съ практическимъ рѣшеніемъ задачъ, первые четыре правила Алгебры, всю Лонгитметрію и Планиметрію, съ доказательствами, Географію, Полевую Фортификацію, Артиллерию, Рисованіе и Черченіе. Ежедневныя занятія воспитанниковъ, по всемъ частямъ, распределены по примѣру всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Надзоромъ и обученіемъ завѣдываютъ Гг. офицеры того же батальона.

Подобное благодареніе воиновъ оцѣнено родителями; и убѣжденные прекрасными примѣрами въ быстромъ успѣхѣ дѣтей по всемъ отраслямъ образованія, — на перерывъ другъ-перель-другомъ стараются помѣстить своихъ дѣтей въ это прекрасное заведеніе.

На дняхъ, многія изъ почетнѣйшихъ дамъ Тифлиса любознательствовали видѣть эту школу, и лестные ихъ отзывы объ ней, послужили поводомъ и другимъ познакомиться съ этимъ заведеніемъ. Главнокомандующій, по осмотрѣ школы во всѣхъ ея частяхъ, приказалъ полкамъ въ Закавказскомъ краѣ находящимся, во всемъ взять съ нея образецъ, что уже приводится въ исполненіе.

Письмо съ дороги отъ находившагося въ свитѣ Князя Намѣстника.

(Окончаніе).

На Кургулакчайской станціи насъ встрѣтили Карабагскіе Беки, въ богатыхъ, блестящихъ золотомъ уборахъ и на прекраснѣйшихъ коняхъ. Тутъ я только примирался съ славой Карабагскихъ лошадей, и полагая, чудесные были кони, въ особенности сѣрый, верховой пати, — красавецъ во всѣхъ отношеніяхъ, и въ Европѣ, за него бы дали тысячи четыре серебромъ. Къ несчастію, такихъ лошадей мало, и годъ отъ года заводы упадаютъ. Карабагъ обязанъ прекрасною породой своихъ лошадей знаменитому Шахъ-Надиру. Передъ отправленіемъ своимъ въ Индію, Шахъ прислалъ красивѣйшихъ жеребцовъ и кобылицъ Арабскихъ, Кмышскихъ и Тухменскихъ породъ въ Шахсванъ, Адреваль, Карабагъ и другія Ханства, а Надиръ было изъ чего выбирать, владѣя половиною Азіи. Ежегодно, на эти заводы прѣзжали чиновники Паді-Шаха и выбирали для его конюшенъ лучшій плодъ. Но послѣ смерти великаго завоевателя, Пана Ханъ, первый Карабагскій Ханъ, пользуясь слабостію и междоусобіями Персіи, присвоилъ себѣ заводъ и передалъ его своему сыну Ибрагимъ Хану. Когда же Евнухъ Ага Магомедъ-Ханъ сбѣжалъ въ опустошительный походъ 1795 года на Карабагъ, тогда Ибрагимъ-Ханъ отослалъ заводъ свой на береженіе Грузинскому Царю Ираклію. Но Евнухъ, желѣвъ за посѣщеніемъ Карабага, навѣстивъ и Грузію и тогда, не когда было думать о береженіи завода, когда надо было берегать Царство отъ огня и меча неустоваго врага. Заводъ расхитили Грузинскіе Князья, Ага Магомедъ въ свою очередь расхитилъ всю Грузію, и въ томъ числѣ захватилъ часть лучшихъ лошадей, которыхъ еще не успѣли спровести въ Турцію. На возвратномъ пути разорителя Тифлиса, черезъ Карабагъ, въ Шушѣ, нукеръ его, котораго Шахъ погрозился на утро наказать, что значило лишить головы, не дожидая такой милости отъ престола солнца, самъ воткнулъ ему въ бокъ кинжалъ. Персіане убѣжали изъ Шуши, а Карабагскія лошади остались въ своемъ отечествѣ. Въ то же почти время, одинъ Казахскій Агаларъ укралъ у Магомедъ-Хана одну изъ лошадей, и отъ нея произошла порода тоже славныхъ Делибозскихъ

лошадей, но и эта теперь почти вывелась. Достоинно сожалѣнія, что въ краѣ нѣтъ такихъ богатыхъ людей, которые бы могли покупкою настоящихъ Арабскихъ, или Тухменскихъ жеребцовъ, обновить и поддержать Карабагскіе заводы.

Карабагскіе джигиты провозжали насъ до Куръ, развѣская скуку однообразнаго пути по унылымъ и пустыннымъ мѣстамъ, — стрѣльбой и молодецкой скачкой. Наконецъ блеснула синяя полоса широкой Куръ, сады Мингечаура показались изъ-за холма, потомъ, кибитки и палатки раскинутыя по обѣимъ сторонамъ рѣки для пріема путешественника, и тысячи народа покрывали лѣвый и правый берегъ Куръ, свидѣтеля, въ этомъ самомъ мѣстѣ, Шахъ-Надира, Ага Магомедъ-Хана, Зубова, Цицинова и, безъ сомнѣнія, многіхъ другихъ великихъ полководцевъ древняго міра, потому что на Мингечаурѣ удобнѣйшая переправа и по пути изъ Персіи въ древній Ширванъ, на Алазанскую долину и даже въ Грузію.

Пока переправляли экипажи на другой берегъ на поромѣ, мы смотрѣли на ястребиную охоту — любимую и, можно сказать, единственную у здѣшняго народа, въ особенности у Бековъ.

Наконецъ мы отчалили на поромѣ. Кура въ этомъ мѣстѣ до ста сажень ширины, глубока, не такъ быстра, какъ въ Тифлисѣ, и совершенно удобна для судоходства отъ Самуха, до впаденія въ Каспійское море. Въ настоящее время, по ней поднимаются бичевой караваны, вмѣщающіе въ себя до 1000 пудъ. Все это судоходное пространство Куръ, протекаетъ черезъ самыя плодородныя и богатыя провинціи Закавказья: Шекинскую, Елисаветпольскую, Карабагскую, Ширванскую и Талышинскую, принимая въ себя притомъ Араксъ. Со временемъ, когда промышленность и торговля возникнутъ въ краѣ, когда учредится по Курѣ пароходство, это будетъ главная жила для притока богатства въ Закавказье и обратно — въ Россію.

Едва паромъ дотронулся до противуположающей Шекинской земли, тысячи народа привѣтствовали Князя Намѣстника и его супругу громкимъ, радостнымъ ура! Арешскій Казіи, въ сопровожденіи почетнѣйшаго духовенства, встрѣтилъ и произнесъ привѣтственную рѣчь на Татарскомъ языкѣ, краснорѣчивую, украшенную всею роскошью восточной поэзіи; но еслибъ передавать читателю хоть одно краткое содержаніе всѣхъ привѣтственныхъ рѣчей, произнесенныхъ къ Князю на границахъ всѣхъ уѣздовъ и даже участковъ, то пужно было бы напечатать цѣлую книгу. Хотя въ этомъ случаѣ читатели дѣйствительно теряютъ, потому, что въ этихъ рѣчахъ много было истинно — высококаго, какъ по краснорѣчію, такъ по трогательнымъ, глубокимъ чувствамъ признательности народа къ попечителю о ихъ судьбѣ; но объемъ газетной статьи не позволяетъ передать въ печати эти изъявленія народной любви. Послѣ каждой строфы рѣчи, народъ повторялъ за Казіемъ послѣднее его слово: «Аминь», что имѣетъ у нихъ тотъ же смыслъ, какъ и у насъ.

По окончаніи рѣчи, блеснули пожи, брызнула кровь жертвъ: Курбанъ-байрама, обычнаго въ здѣшнемъ краѣ между Мусульманами при встрѣчѣ самыхъ знаменитыхъ гостей, и нѣсколько десятковъ барановъ и коровъ, зарѣзанныхъ такимъ образомъ, тутъ-же были раздѣлены между бѣдными и духовенствомъ.

Мы отправились даѣе. Богатая, роскошная долина Куръ, въ это время въ полномъ блескѣ и силѣ растительной, растлалась передъ нами не обозримой равниной. Только справа, отъ Юго-Запада, легко, чуть видно прорѣзывались сквозь туманную синеву неба сѣверныя вершины Алагезскаго хребта и слѣва, песчаной стѣной, верстахъ въ десять отъ дороги, высились излучины хребта Боздага, а на Юго-Востокъ, — безграничная даль, до самаго Каспія. Тамъ и здѣсь богатыя селенія утопущія въ прохладныхъ, темныхъ садахъ, гдѣ въковые чинары, орѣхи, каштаны, тополи, фиги, гранаты, миндаль и персики, — перевиты, обвѣшаны фестонами бѣгущихъ отырьсковъ виноградной лозы. Все пространство равнины прорѣзано обширною сѣтью каналовъ, такъ, что довольно значительныя рѣчки, въ лѣтнее время, не доходятъ до Куръ, изсякая въ садахъ и поляхъ. За то какія пакяти, — въ половинѣ Апрѣля, уже пшеница колосится!

На каждой станціи та-же встрѣча — сотни Бековъ, тысячи народа, илауны, борцы, жертвы Курбанъ-байрама, парчевые панады подстиланые подъ ноги супруги Князя Намѣстника и вездѣ привѣтственные рѣчи. На границѣ Ширванскаго уѣзда, одинъ изъ тамошнихъ Бековъ, встрѣчая Князя Воронцова, между прочимъ, сказалъ: «Привѣтствую тебя, Намѣстникъ Царскій, отъ имени всѣхъ моихъ братій здѣсь предстоящихъ! Да будетъ благословенъ приходъ твой! Взгляни, здѣсь сотни Ширванскихъ Бековъ, почти всѣ они офицеры, грудь каждаго изъ нихъ украшена крестомъ, купленнымъ кровію и ранами въ Дагестанѣ, Персіи,

Турціи, въ битвахъ съ единовѣрцами, но врагами нашего Государя. Скажи и ты намъ слово, покажи намъ врага и мы не пощадимъ ни своей крови, ни жизни!»

Послѣ полудня 18 Апрѣля, мы стали подыматься верхами на крутую Шемахинскую гору. Больше 12 верстъ все въ гору, въ гору и на счастье, дорога была суха, а не то, безъ буйволовъ бы не обошлось. Въ долину жарко; солнце, въ особенности подъ горами, у подошвы которыхъ до сихъ поръ шла дорога, жжетъ нестерпимо. Но чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ воздухъ употѣлѣе, легче для дыханія, а горные цвѣты и травы привѣтствовали насъ своимъ благоуханіемъ. Такъ хорошо, роскошно, что не хочется вернуться на душную равнину. Но взгляните на нее отсюда, съ высокой горы. Можетъ ли кисть, не только перо, представить съ вѣрностію эту панораму на сотни верстъ простирающуюся со всеми ея неуловимыми перегибами свѣта и тѣни, со всею блестящею игрою разнообразныхъ отливовъ зелени и миллионъ серебристыхъ ручейковъ, извивающихся далеко, далеко, какъ только взоръ можетъ обнять? Нѣтъ, это надо видѣть, а не описывать!..

Шемахинская гора имѣетъ три уступа, или перевала: первый со стороны Ахъ-су — Катинъ-чанъ, второй Зеленджи, и третій Алахъ-Акперъ. Было уже 9 часовъ вечера, когда мы стали спускаться по отлогости Алахъ-Акпера. Ночь была темная, воздухъ тихъ и тепелъ. Вдругъ, вдали передъ нами мелькнули огоньки, слава Богу, вѣрно Шемаха! Всякій пойметъ, какъ пріятно послѣ 25 верстнаго путешествія верхомъ по горамъ, увидѣть вдали огонекъ, обещающій намъ радужный пріютъ. Но огоньки множатся, сходятся въ линіи, образуютъ фигуры — еще шагъ, и вообразите себѣ, вся обширная Шемаха передъ вами, какъ на ладони, съ улицами, площадями, обчерченными огнемъ; вдали ропотъ и шумъ, какъ будто отъ волнъ морскихъ. Съ каждымъ шагомъ говоръ и звуки музыки становятся слышнѣе, линіи огня превращаются въ ряды звѣздъ! Наконецъ, толпы безчисленнаго народа взволновались и двинулись навстрѣчу. Неотнятые пламенники на высокихъ вилахъ, разливали красноватый свѣтъ на блестящіе уборы ликующаго народа; громкое, единодушное ура! заглушало звуки безчисленныхъ зурнъ и барабановъ — мы въ городѣ, пылающемъ въ огняхъ иллюминаціи.

Шемахинскій Муштадъ, сопровождаемый почетнѣйшимъ Магометанскимъ духовенствомъ, произнесъ Его Сіятельству привѣтственную рѣчь. Съ приближеніемъ къ Армяно-Григоріанской Церкви, духовенство, при колокольномъ звонѣ и пѣніи, — съ крестомъ, Евангеліемъ и хоругвями встрѣтило почитателя. Князь Намѣстникъ, по выслушаніи молебствія въ святомъ храмѣ, съ возгласеніемъ многолѣтня Августѣйшей фамиліи, отправился въ домъ Начальника Каспійской Области, гдѣ была назначена квартира для ихъ Сіятельствъ.

На другой день, представлялись Намѣстнику всѣ должностныя лица, почетнѣйшіе Граждане и Беки. Не смотря на дождь, постоянно лившій съ другаго дня прѣзда нашего въ Шемаху, Князь осматривалъ всѣ Присутственные Мѣста, примѣчательности города: мечеть, караванъ-сарай, фабрики шемахинской мовы, и назначилъ мѣсто для казеннаго сада.

Городъ обширенъ, построенъ на развалинахъ древней Шемахи, разрушенной землетрясеніемъ. До сихъ поръ видны остатки многихъ строеній, свидѣтельствующихъ о великолѣпнн стараго города. Шемаха отличается въ настоящее время тѣмъ, что это единственныи — правильно расположенный городъ въ Закавказьи, съ широкими улицами и притомъ возмощенными, чего даже нѣтъ и въ Тифлисѣ. Мощеніе улицъ доставляетъ хозяевамъ двойную выгоду — избавляетъ отъ бездонной грязи и снабжаетъ превосходными плитами тесаннаго камня, добываемаго изъ фундаментовъ погребеннаго въ земляхъ стараго города. Еще отличительное свойство Шемахи — гостепріимство. При всѣхъ стараніяхъ многихъ предпримчивыхъ людей завести въ Шемахѣ гостиницу, не смотря на множество живущихъ тамъ чиновниковъ и прѣзжающихъ — попытки эти неудавались, потому что каждый хозяинъ на перерывѣ, съ радушіемъ, готовъ пріютить у себя всякаго путешественника и заѣзжаго.

Нельзя умолчать о Шемахинскихъ мовяхъ, въ особенности клѣтчатыхъ, которыя теперь до того усовершенствовались, что трудно отличить ихъ отъ Французскихъ, легкихъ шелковыхъ матерій, и притомъ, онѣ еще моются. Мовъ теперь вывозится и въ Россію, въ большомъ количествѣ.

ИЗЪ МОИХЪ ЗАПИСОКЪ.

6-го Июля 1845 года.

Не привычные къ жаркому климату Кахетин — Тушины, на дѣто удаляются на родныя горы Кавказа. Двухъ-этажныя каменные ихъ сакли разбросаны тамъ на живописныхъ высотахъ, покрытыхъ соснами. Чтобы вполне насладиться дикою природою Кавказа, — стоить взобраться на второй этажъ любого Тушинскаго домика: повсюду, гдѣ ни бросишь взоръ, картины, одна величественнѣе другой. Надъ нами высъ горы, вѣчно покрытыхъ снѣгомъ, вскрикивая радужными пятнами; а внизу, ущелья; по жимъ, шумя, пробіраются ручейки; кой-гдѣ маленькія мельницы; кругомъ сосновый лѣсъ. Прибавьте ко-всему этому шумъ низвергающихся съ высотъ водопадовъ, дикій крикъ орловъ, вой шакаловъ, всегдашнюю опасность отъ непокорныхъ сосѣдей — Лезгинъ, и вы будете имѣть только самое слабое понятіе о роднѣ Тушиновъ. Но родина, святая родина! кого не веселитъ одна мысль о тебѣ? кто не полетитъ къ ней, презирая всѣ опасности? . . . И такъ, Тушины, какъ я уже сказалъ, каждое лѣто оставляя Алазанское поле, лежащее за Алазанью, на которомъ живутъ всю осень и зиму, совсѣмъ своимъ имуществомъ, — откочевываютъ въ горы. — Въ концѣ Мая они собираются, а въ первыхъ числахъ Іюня, караванъ выстѣпаетъ въ путь. Тяжело-навьюченныя лошади чуть переступаютъ; за ними, женщины пѣшкомъ; дѣти въ перекидныхъ сумкахъ; кругомъ вооруженные мушкетеры; — шумъ, говоръ, ржаніе коней, блещаніе овецъ, стрѣльба, — однимъ словомъ, самая разнообразная смѣсь, картина, достойная кисти Рембрандта!

Въ 1845 году, когда Тушины, Гомецарскаго, Чалликскаго и Пирикительскаго обществъ, (*) уже были готовы въ путь, — пронесся слухъ, что большая партія Дидойцевъ разсѣяна по дорогѣ, съ намѣреніемъ напасть на Тушинъ.

Тушины храбрцы, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и опасность для нихъ-пустое; — но, въ то время, когда они съ женщинами, съ стариками, дѣтми, это другое дѣло: тутъ уже не такъ свободно можно защищаться, и потому необходима осторожность. Чтобы обезопасить ихъ слѣдованіе, тотъ-часъ былъ собранъ маленькій отрядъ изъ 300 человекъ, и мы выступили 6-го Іюня. — Стѣ Алазани дорога идетъ между Кахетинскими селеніями Лалискуры и Пшавели, по ущелью Деубани, вверхъ по теченію рѣчки Шторы, впадающей въ Алазань. Пройдя 4-е версты, поворотъ въ гору. — Пока дорога тянется еще между лѣсомъ, она сносна; но когда уже кончится и тропинка пойдетъ по скаламъ и обрывамъ, то — заключеніемъ всѣхъ уже неприятностей пѣшеходства по такимъ мѣстамъ, — опасность на каждомъ шагѣ сорваться въ бездну, невольно наведетъ какое-то уныніе на душу; — на каждомъ шагѣ останавливаешься, оглядываешься, и при каждомъ мѣстѣ, гдѣ тропинка вдругъ перерывается, и вы должны перепрыгивать, гдѣ подъ вами адская бездна, въ которой слышится шумъ низвергающихся потоковъ, — по-неволѣ вспомнишь объ опасности и кругомъ, обведешь взоромъ, какъ-бы прося чьей нибудь помощи. . . . Я, кажется, и привыкъ уже къ этимъ дорогамъ, но всѣ—таки мурашки по кожѣ пробѣгаютъ, какъ придется идти, по такому шоссе, да еще подъ вечеръ! а тутъ, въ добавокъ, страшная погода да такая погода, которую развѣ одинъ Кавказъ въ состояніи представить, но чего дѣлать, надо взять на себя трудъ дать вамъ покрайней-мѣрѣ слабое понятіе объ этой бурѣ. Вѣтеръ, — не будь это въ горахъ, я сравнилъ-бы его съ ураганомъ; дождливенъ, съ примѣсью чего-то похожего на мелкій снѣгъ; холодъ до того сырой, что въ сравненіи съ нимъ въ 30° морозъ, право, ничтоженъ: онъ про-

(*) Цовское общество, остается до половины Іюня и идетъ по другой дорогѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Снѣшимъ обрадовать любителей музыки въ Тифлисѣ, пріятною новостію. До сихъ поръ мы чувствовали большой недостатокъ въ учителяхъ музыки, въ особенности пѣнія; но счастливая звѣзда наконецъ привела къ намъ молодаго артиста Г. Аннаева, обучающаго пѣнію, игръ на фортепیانно, на скринкѣ и теоріи музыки.

Желающіе брать уроки у Г. Аннаева, могутъ адресоваться къ нему во временно-заняемую имъ квартиру, въ Караванъ-Сараѣ Полковника Ариуни.

Г. Аннаевъ, искренно желая ознакомить Тифлисскую публику съ своимъ талантомъ и новѣйшею методою преподаванія музыки и пѣнія, значитель-

никаетъ на-свободѣ, и наводитъ лихорадочную дремъ; наконецъ, туманъ, за которымъ не видишь ничего передъ-носомъ, и оглушительный трескъ грома; — вотъ только слабый очеркъ грозы въ горахъ; — а тутъ, въ-добавокъ, негдѣ погрѣться; огня не разведешь: нѣтъ дровъ, а если-бы и былъ, то едва ли огонь устоитъ противу силы дождя. . . По-такой-то дорогѣ и въ такую погоду тащались мы гуськомъ въ Тушетію. — 7 числа мы благополучно достигли до ближайшей деревни, и, распростившись съ Тушинами, пустились обратно. Дождь не переставалъ лить по прежнему; и мы, мокрые, голодные и усталые допелезя, должны были остановиться почевать на горѣ Накерали. Было 5 часовъ пополудни, когда дождь пересталъ, вѣтеръ не много утихъ и туманъ началъ по немногу расходиться. Не смотря на всю неприятность положенія, въ которомъ я былъ, но посмотрѣвъ съ высоты Накеральской на разстилающуюся подъ нами Кахетію, — я забылъ о голодѣ, обо всемъ, и не могъ оторваться отъ созерцанія столь очаровательной картины! . . . Вся Кахетинская долина, покрытая кустарниками и златыми пивами; Алазань выступившая изъ береговъ отъ дождей; вездѣ разбросанныя между садами деревни, съ ихъ старинными башнями и Церквями; Телавъ, утопавшій какъ-будто въ огнѣ, отъ лучей заходящаго солнца; и кругомъ горы, покрытыя дремучимъ лѣсомъ! Прелесть, очарованіе!!! Лошадь наша, пущенная на волю, разбрелась по горѣ и щипала скудно-растущую траву. Нѣкоторые изъ нихъ ушли довольно далеко; и какъ уже приближалась ночь, то чтобы не растерять ихъ, мы должны были отправиться за ними. Моя лошадь, съ двумя Тушинскими, спустилась на дѣво подъ гору; подоидя къ нимъ, мы замѣтили внизу, въ маленькомъ ущельи Чхатани, — дымъ. Догадкамъ и разсужденіямъ не было конца другіе говорили, что это должны быть охотники; иные утверждали, что это Дидойцы; многіе увѣрили, что это просто огонь, кѣмъ нибудь давно оставленный. Нужно же было узнать истину: — два молодца сей-часъ вызвались разрѣшить наши сомнѣнія. Они спустились, и не прошло 10 минутъ, мы всѣ уже знали, что это довольно значительная партія хищниковъ, отдохавшихъ въ балаганахъ! Въ ту же минуту распорядились: 50 отборныхъ Тушинъ — назначены для нападенія; пятидесяти другимъ велѣно зайти неприятелю въ тылъ, по дорогѣ къ Пакійскому ущелью, ведущему въ Кахетію; а шестьдесятъ оставлены на горѣ, по дорогѣ въ Дидо. Осмотрѣвъ ружья, мы простились съ оставшимся арьергардомъ, и начали потихоньку спускаться внизъ. Ужасная крутизна замедляла нашъ ходъ; мы должны были подавать другъ-другу руки, ружья — и связавшись какъ цѣпь, наконецъ достигли до мѣста. Между нами были двое, такъ называемые — беллади (проводники), люди опытные въ войнѣ подобнаго рода, и знающіе всѣ хитрости, необходимыя въ такихъ случаяхъ; они велѣли намъ остановиться и ожидать сигнала: если мы услышимъ два выстрѣла, — это знакъ къ нападенію; если же тихій свистъ, то, безъ дальнихъ околичностей: «давай Богъ ноги.» Не прошло пяти минутъ, выстрѣлъ раздастся, за нимъ другой, — и мы съ крикомъ ура! бросились впередъ. . . . До 70 человекъ Дидойцевъ сидѣло въ двухъ сложенныхъ изъ вѣтвей балаганахъ, (*) въ которыхъ горѣлъ огонь — кругомъ было развѣшено ихъ оружие и платье; иные спали на буркахъ; другіе чистили ружья; нѣкоторые сунули мокрыя вещи; а одинъ на разосланномъ тулупѣ мѣсилъ тѣсто. — Они, какъ видно, не предполагали встрѣтить насъ въ этомъ мѣстѣ, и расположились отдохнуть. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ балагановъ, сидѣли двое караульныхъ, и, опершись о ружья, дремали. Наши беллади, давъ по нимъ два сигнальные выстрѣла, отпра-

(*) На всѣхъ почти туземныхъ языкахъ они называются — «кохи».

но облегчающе изученіе этихъ пріятныхъ и полезныхъ искусствъ, будетъ давать свои уроки по самой умѣренной цѣнѣ.

ПРІѢХАВШЕ И ВЫѢХАВШЕ.

Пріѣхавшіе въ Тифлисъ.

24 Мая: Изъ уроч. Царскихъ-Колодець, Тифлис. Егер-полка Поруч. Орделовъ. Изъ г. Астрахани, Кан.-Лейтен. Истомицъ 2-й. 25 Мая: Изъ г. Елисаветполя, Кол. Ассес. Китаевскій, Прапорц. Левшинъ. 26 Мая: Изъ г. Пятигорска, Поруч. Луткевичъ. Изъ уроч. Бѣлаго-Ключа, Полковн. Чалыгинъ. Изъ уроч. Кара-агачъ, Берейторъ Кол. Регист. Дале. 27 Мая: Изъ г. Ахалыха, Подпоруч. Ситниковъ. Изъ г. Телавъ, Кол. Ассес. Григоровичъ. 28 Мая: Изъ С.-Петербурга, Кан. Делисауицъ и Шт.-Кан. Крузен-

вли ихъ на вѣчный покой! . . . Трудно вообразить смятеніе Дидойцевъ: ихъ звѣрскія лица приняли выраженіе — страха, отчаянія, мести. . . . Проклятія — лились потокомъ! . . . Они бросились къ оружью, смѣшались, кричали, и какъ будто не думали оставлять балагановъ. . . . Залпъ изъ 50 ружей вывелъ ихъ изъ замѣшательства, и они, какъ попало, кинулись по дорогѣ въ Дидо. Чтобы не дать имъ времени разбѣжаться ко ущелью, мы, бросивъ ружья на землю, кинулись за ними съ шашками! . . . ги, ги, ги, !! пронзительный свистъ, шумъ, кой-гдѣ пистолетные выстрѣлы, оглушили ущелье; мы преслѣдовали ихъ около получаса, пока наступающій мракъ — не напомнилъ намъ о приближающейся ночи. Нечего дѣлать, — нужно воротиться; — деждь и, кажется, вся прежняя непогода возвращались. Больше 10 тѣлъ и двое раненыхъ, свидѣтельствовали о нашей побѣдѣ; 12 ружей, 16 бурокъ, около 40 гуль, (родъ сумъ изъ звѣриной кожи), и множество другихъ вещей, въ томъ числѣ два ременные аркана, на которыхъ Лезгины увозятъ лѣнныхъ, — достались намъ въ добычу. Отрѣзавъ у убитыхъ руки, между которыми нашли и бѣднаго хлѣбопека, (руки его были въ тѣстѣ), мы возвратились къ балаганамъ. Огонь еще горѣлъ. Погрѣвшись, мы начали рыться въ гудахъ, и, къ общей радости, во многихъ нашли куски черствыхъ чурековъ, кружки стараго сыру, бараны курдюки, (жиръ съ хвоста), и родъ колбасы, изъ оленьяго мяса. Поблагодаривъ отъ души услужливыхъ Дидойцевъ за ночлегъ и ужинъ, мы расположились отдыхать; возвратиться на гору, не было возможности: непроницаемый мракъ и гроза — разразилась сильнѣе прежняго. Нѣсколькими выстрѣлами и кликами — камарджоба! камарджоба! (побѣда), мы дали знать о случившемся арьергарду, который отвѣтилъ намъ тѣмъ же. . . .

Проспавъ чудесно цѣлую ночь, въ балаганахъ, при огнѣ, мы утромъ воротились на гору; поздравленіямъ и распросамъ не было конца. . . . Оставшіяся у насъ неприятельскіе запасы были раздѣлены, и чрезъ нѣсколько времени, мы по прежнему, гуськомъ, пустились въ путь. Гроза не переставала; смѣшно даже было смотрѣть на всѣхъ: промокшіе, усталые, многіе чуть передвигали ноги! Часа въ 4 по полудни, мы были уже въ Кахетію. — Подъѣзжая къ каждой деревнѣ, Тушины давали по нѣскольку выстрѣловъ; толпы выбѣгавшаго народа, замѣтивъ отрѣзанныя руки на длинныхъ палкахъ, провожали насъ радостными кликами и поздравленіями чрезъ всю деревню; и такимъ образомъ, къ вечеру, мы достигли с. Артанъ, гдѣ намѣрены были почевать. . . . Этотъ день, не изгладится изъ моей памяти! . . .

Арнольдъ Зисерманъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ торжественномъ собраніи всѣхъ пяти Академій Королевскаго Французскаго Института, происходившемъ 2-го Мая и. ст., читанъ былъ отчетъ о конкурсѣ 1846 г. на премію, учрежденную Графомъ де-Вольнеемъ. Къ соисканію представлено было десять печатныхъ и рукописныхъ сочиненій по Сравнительной Филологіи, и премія, состоящая изъ золотой медали въ 1,200 фр., присуждена Комиссіею, назначенною по этому предмету, Г. Академику Императорской Академіи Наука К. М. Шегрену, за его сочиненіе: «Грамматика Осетинскаго языка, съ присовокупленіемъ краткаго Осетинско-Нѣмецкаго и Нѣмецко-Осетинскаго Словаря.» Въ донесеніи своемъ Комиссія говоритъ, что это твореніе ученое и добросовѣстное, которое впервые знакомитъ во всей подробности съ однимъ изъ самыхъ важныхъ и занимательныхъ нарѣчій Кавказа».

(С. П.)

Итеръ. Изъ Пасанаура, Полковн. Кейзеръ. Изъ Казахскаго участка, Поруч. Зиль Ага Аиджа Олы. Прапорщикъ: Насибъ Абетировъ, Усуль Ага Шедлискій, Халиль Ага Векиловъ, Гаджи Махмуръ Ага Векиловъ, Сеидъ Ага Каримъ Ага Мустафа Ага Салимъ Бемлискій, Османъ Ага и Паша Ага Векиловъ.

Выѣхавшіе изъ Тифлиса.

24 Мая: Въ С.-Петербургъ, Генералъ-Майоръ Постельевъ. Въ г. Ставрополь, Кол. Регист. Рублевъ. Въ г. Пятигорскъ, Губ. Сек. Голорскій. 26 Мая: Въ С.-Петербургъ, Подполк. Томиловъ и Ротмистръ Томиловъ. 27 Мая: Въ м. Эчмиадзинъ, Армянскій Архіерей Караетъ. Въ Самурской Отрядъ, Поруч. Кривоцовъ. Въ г. Екатеринославъ, Губ. Сек. Култа. Въ уроч. Тамборы, Поруч. Позилъ. Въ уроч. Кугары, Подпоруч. Куцовскій.